

Повесть о Горе-Злочастии

В 1856 г. академиком А. Н. Пыпиным среди рукописей собрания М. Н. Погодина (Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина) был найден сборник первой половины XVIII в., в котором, среди других произведений была обнаружена неизвестная дотоле «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе Злочастие довело молодца во иноческий чин». Все в этой повести было ново и непривычно для традиций древней русской литературы: народный стих, народный язык, необычный безымянный герой, высокое сознание человеческой личности, хотя бы и дошедшей до последних степеней падения. В повести сильнее чем во многих других произведениях второй половины XVII в. проявлялось новое мироощущение. Неудивительно, что уже первые исследователи этой повести резко разошлись в своих суждениях о самом ее происхождении.

Н. Костомаров восхищался, как романтик, «величавым тоном, грустно-поэтическим чувством, живостью образов, последовательностью и стройностью рассказа, прекрасным народным языком и неподдельными красотами оборотов юной, народной, неиссушенной школою речи». Однако этот исследователь назвал вновь найденное произведение «повестью» и отметил, что «философский тон и стройное изложение показывают в ней не чисто народное, а сочиненное произведение».¹

Академик Ф. И. Буслаев видел в «Повести о Горе-Злочастии» духовный стих, несмотря на возражения Н. Г. Чернышевского, рассматривавшего ее как былину;² А. В. Марков, пытаясь согласовать эти две точки зрения, характеризовал повесть как произведение, стоящее на грани между былинами и духовными стихами.³ Однако более убедительным и сейчас представляется мнение Н. И. Костомарова о том, что «Повесть о Горе-Злочастии» «не чисто народное, а сочиненное произведение». Отдельные стороны этого произведения, главным образом его фольклорные элементы, изучались также академиком А. Н. Веселовским, академиком Ф. Е. Коршем, проф. В. Ф. Ржигой и другими исследователями.

По традиции, идущей от первого развернутого исследования «Повести о Горе-Злочастии» академика Ф. И. Буслаева,⁴ содержание повести долго

¹ «Современник», 1856, март, отдел I, стр. 49—51.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, Пгр., 1918, стр. 612—615.

³ «Живая Старина», 1913, вып. I—II, стр. 17—24.

⁴ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, СПб., 1861, стр. 548—643.

рассматривалось в связи с наставительными религиозно-нравственными произведениями русского средневековья, и повесть считалась типичным выражением моральных заветов русской старины. Развивая эту мысль, позднейшие исследователи характеризовали героя повести как представителя нового времени, как борца против опеки семьи над личностью, против старого мировоззрения. Соответственно этому, тема повести рисовалась как тема борьбы двух мировоззрений, двух поколений — «отцов и детей». Автор изображался защитником моральных норм прошлого.

«Повесть о Горе-Злочастии» задумана в широком морально-философском плане, который раскрывается уже во вводной части. Рассказав, без подчеркнутой морализации, скорее с некоторым участием, о грехопадении первых людей, изгнании их из рая и о «заповедях законных», которые дал им бог, отправив их на трудовую жизнь на земле, автор в общей формуле изображает, как с тех пор стало «зло племя человеческо», и как за это бог послал на него несчастья:

И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия,
и срамные позоры немерные,
безживотие [бедность] злое, сопостатные находы,
злую немерную наготу и босоту,
и бесконечную нищету и недостатки последние...

Дальнейшая биография молодца — типичный случай безотрадной жизни всего человеческого рода.

Были попытки расценить это введение к повести как позднейшее книжное добавление к выдержанному в народном духе рассказу о молодце. Однако идейная и стилистическая связь этого введения со всем остальным рассказом очевидна. Вводная часть повести так описывает преступления «злого человеческого племени» против «заповедей» божьих:

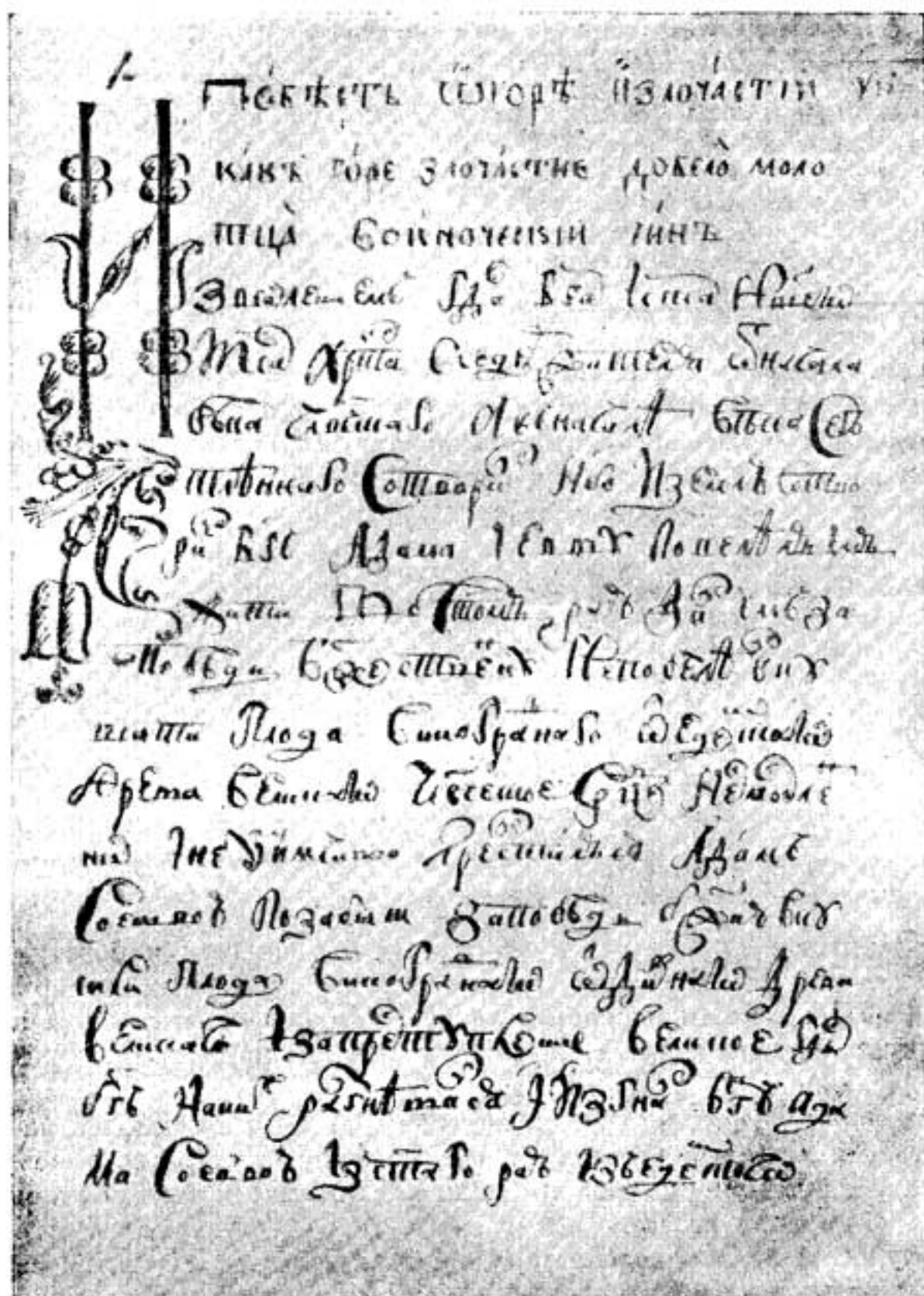
Учинил бог заповедь законную,
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых детей.
Ино зло племя человеческо,
и в начале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо,
и к советному другу обманчиво.

Молодец изображается одним из представителей этого «злого», «непокорливого» «племени»:

...своему отцу стыдно покориться
и матери поклониться,
а хотел жити, как ему любо!

Разорившись, он прежде всего чувствует свою вину перед семьей, кается «добрым людям» в своем «ослушании»:

Стало срамно молодцу появиться
к своему отцу и матери
и к своему роду и племянн
и к своим прежним милым другом...
Скажу я вам [добрым людям] про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское...
Ослушался яз отца своего и матери,
благословение мне от них миновалось.

Заглавный лист «Повести о Горе-Злочастии»

Само Горе-Злочастье, настигая молодца в ту минуту, когда он в отчаянии думает о смерти, напоминает ему первую его вину:

Спамятуй, молодец, житие свое первое,
и как тебе отец говорил,
и как тебе мати наказывала,
о чем тогда ты их не послушал,
не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться.

а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное!

И, наконец, «люди добрые перевошники», сжалившись над молодцом, дают ему единственный совет:

Ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой.
Простится ты с своими родители, со отцем и матерью,
возми от них благословение родительское.

«Блудный сын» возвращается «на свою сторону», но, измученный не-
отступным Горем, он, не дойдя до дому, спасается в монастырь.

Предисловие связывается с повестью также изображением наказаний
божеских за ослушание — «злomu племени человеческу» и молодцу. В пре-
дисловии эти наказания описаны так:

И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия...
злую немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки последние...

А вот молодец рисует свою печальную судьбу:

Господь бог на меня разгневался,
и на мою бедность великия
многия скорби неисцельныя
и печали неутешныя,
скудость и недостатки и нищета последние.

А Горе-Злочастие прибавляет к этому перечню «наготу и босоту безмер-
ную» (академик Ф. Е. Корш предлагает это, несомненно испорченное в
списке XVIII в., место исправить так: «И нашли на меня беды великия.
Многия скорби неисцельныя, И многия печали неутешныя, Недостатки,
нищета последняя»).

Предисловие объясняет, что наказанием бог приводит людей на «спасе-
ный путь»; и молодец «спамятует спасенный путь». Предисловие укоряет
людей за то, что они «прямое смирение отинули»; и «добрые люди» учат
молодца: «смирение ко всем имей». «Советного друга» рядом с отцом и
матерью упоминает предисловие; разоренный молодец стыдится вернуться
к семье и «к милым друзьям». Преобладающая в предисловии книжная речь
не раз слышна и в самой повести, особенно в наставлениях молодцу и в
его покаянных размышлениях:

Не буди послух лжесвидетельству,
а зла не думай на отца и мать и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла...
Смирение ко всем имей,
и ты с кротостию держися истины с правдою,
то тебе будет честь и хвала великая...

Книжны в повести отдельные выражения, выделяющиеся на общем
фоне устно-поэтического языка: «пиры и братчины», «порты драгия»,
«птицы воздушныя», «беззлобие», «прелщайся», «послух», «яко», «солнце
на западе», «по божию попущению, а по действию дияволю», «жития
сего» и т. д.

Итак. «Повесть о Горе-Злочасти» в том ее виде, какой она сохранила в единственном дошедшем до нас списке, представляет цельное художественное произведение, все части которого нераздельно связаны единой мыслью о несчастной судьбе людей.

История безымянного молодца, иллюстрирующая эту мысль, открывается обстоятельными наставлениями, которые дают ему родители, когда «чадо» подросло и стало «в разуме». Из большого запаса моральных заветов средневековья автор Повести выбрал лишь те, которые обучают «чадо» обычной житейской мудрости, а иногда и просто практической сметке торговых людей, оставив в стороне требования благочестия, нищелюбия, строгого соблюдения церковных установлений. Нет этих религиозных наставлений и в «заповедях божих», которые сам бог дает первым людям, изгоняемым из рая. Моральные наставления и бытовые запреты учат молодца тому, чему учил сына и Домострой, резюмировавший в этом отношении веками накопленные в «пословицах добрых, хитрых и мудрых» — правила. Не только скромный, но «смиранный», покорный «другу и недругу», склоняющийся перед «старым и молодым», «вежливый» и не «спесивый», знающий свое «среднее место», молодец должен быть целомудренным, правдивым и честным («не збирай богатства неправого»), уметь находить «надежных» друзей среди «мудрых» и «разумных». Отдельные из этих советов напоминают и более древние, чем Домострой, древнерусские и переводные поучения родителей к детям (начиная с поучения Ксенофонта и Феодоры в Изборнике Святослава 1076 г.), и «Повесть об Акире премудром», стилистически иногда чрезвычайно близкую к «Повести о Горе-Злочасти» (например, в Повести о Горе: «не садися ты на место большее» — Акир учит сына: «пришед в пир, и ты не садись в большем месте»; «не прельщайся, чадо, на добрых красных жен» — ср.: «чадо, на женскую красоту не зри»; «не бойся мудра, бойся глупа... не дружися, чадо, с глупыми, немудрыми» — ср.: «чадо, лучше с умным великий камень поднять, нежели с безумным вино пити»; «не буди послух лжесвидетельству» — ср.: «лжи послух не буди» и т. д.).

Пространно изложенное в повести «родительское учение» имеет целью не спасение души молодца, как это обычно в средневековых поучениях к детям, а наставляет его, как достигнуть житейского благополучия:

...послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы
добрыя и хитрыя и мудрыя —
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.

И в подборе бытовых советов молодцу много, в сущности, того, что не составляло специфической принадлежности только средневековой морали: родители учат сына не пить «двух чар за едину», не прельщаться на «добрых красных жен», т. е. на красивых замужних женщин, —

Не ложися, чадо, в место заточное;
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупые на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго,
и племянн укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем и корчемникам;
не знайся, чадо, з головами кабацкими;
не дружися, чадо, з глупыми, немудрыми.

.....

Не безчестуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому!
А знайся, чадо, с мудрыми,
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили!

Повесть не указывает, при каких обстоятельствах наставляли своего сына родители, но, судя по всему, можно думать, что родители напутствовали его к самостоятельной жизни вне родительского дома. Там, вне домашней опеки, молодец нажил себе «пятьдесят рублей» и «завел он себе пятьдесят друзей». Честь молодца как река текла, друзья прибывались к нему, навязываясь ему в род и в племя. Скоро объявился у молодца «мил надежен друг», прельстивший его речами прелестными, зазвавший его на кабацкий двор и в конце концов до нага обокравший его во сне:

Чары и чулочки все поснимано,
рубашка и портки все слуплено,
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинута гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.

В этом первом столкновении с жизнью молодец на собственном опыте убедился, что значит ослушаться практических наставлений своих родителей:

Как не стало деньги, ни полуденьги,—
так не стало ни друга, не полдруга;
род и племя отчитаются,
все дружи прочь отписаются!
Стало срамно молодцу появиться
к своему отцу и матери...

Пошел молодец от стыда на чужую сторону, попал там на «честен пир»:

Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и сядя все похваляюща:
молодец на пиру невесел сedit,
кручиноват, скорбен, нерадостен.

Спрошенный о причине своей скорби, молодец рассказал «добрым людям» про свое «ослушание родительское» и спрашивает их совета:

Государи вы, люди добрые!
Скажите и научите, как мне жить
на чужой стороне, в чужих людех,
и как залести мне милых друзей!

И снова, как и родители молодца, добрые люди охотно дают ему практические советы, как достичь житейского благополучия:

Добро еси ты, разумный молодец!
Не буди ты спесив на чужой стороне:
покорися ты другу и недругу,
поклонися ты стару и молодцу,
а чужих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь — не сказывай.
Не льсти ты меж други и недруги;

не имей ты упадки вилявья...
И учнут тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за нежество;
и будут у тебя милые други —
названные братья надежные.

Послушно исполняет молодец советы добрых людей; начал жить умеючи и наживал добра больше прежнего, присмотрел себе невесту по обычаю. Но практическая карьера и житейское благополучие не давалось молодцу. Он снова нарушил житейские правила, похвалившись богатством на пиру перед «любовными своими гостями, и други названными братья»:

А всегда гнило слово похвальное:
похвала живет человеку пагуба.

Снова посыпались на молодца несчастья, снова пропил он свое богатство, скинул купеческое платье и надел «гуньку кабацкую»:

Стало молодцу срамно появиться
своим милым другом.

И снова побрел молодец в неизвестную «чужу страну, дальну, незнаему». Дошел он до быстрой реки, за рекою перевозники просят с него денег за перевоз. Денег у молодца не оказалось; три дня сидел молодец на берегу реки, «не едал молодец ни полу-куса хлеба» и, наконец, решил покончить жизнь самоубийством:

Ино кинусь я, молодец, в быстру реку:
полощи мое тело, быстра река!
Ино ежьте, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного.

Научить молодца жить взялось мудрое Горе. Поразительно рельефен внешний портрет этого Гора:

И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камня:
босо, наго, нет на Горе ни ниточки, еще лычком Горе подпоясано,
багатырским голосом воскликано:
«Стой ты, молодец, меня, Гора, не уйдешь никуды;
не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручину в горе погинути!»

Послушал молодец Гора, как слушал перед этим своих родителей и добрых людей, поклонился ему до земли и запел веселую припевочку. Услыхали его перевозники, перевезли на ту сторону реки, напоили, накормили, снабдили крестьянскими портами и напутствовали советом:

А что еси ты, добрый молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем...

Молодец послушался и этого совета, но Горе неотступно привязалось к нему, и молодец кончает тем, что уходит в монастырь, отказавшись от всяких попыток устроить себе внешнее благополучие в жизни.

Итак, мы видим, что назидательная часть повести складывается из чисто практических житейских наставлений. Мораль эта ни стара, ни нова, и молодец нарушает ее не потому, что хочет жить самостоятельно, а по безволию и «неразумию». Молодец не новый человек, ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливой любознательности, ни предприимчивости, ни даже желания перечить окружающим. Он пассивно следует советам своих случайных друзей и покидает своих родителей, так как был

в то время се мал и глуп
не в полном разуме и несовершен разумом.

Он не возвращается в родительский дом только потому, что стыдится своей босоты и наготы:

Стало срамно молодцу появиться
к своему отцу и матери
и к своему роду и племени.

Он не знает, куда он идет и чего он хочет. Он бредет, куда глаза глядят, — в страну «чужую, незнаемую». Его обманывают друзья; названный брат споил его и ограбил. Он собрался жениться, но побоялся и запил, пропив все, что имел. Он слушает и добрых и злых; живет и по-умному, наживая добро, живет и по-глупому, проживая с себя все до нитки. Пьянство молодца — это, по выражению Ф. И. Буслаева, то «кроткое пьянство», которое так характерно для безвольного человека, доброго от природы, но уступчивого к разврату. По натуре своей он не способен ни на активное добро, ни на активное зло. Когда Горе нашептывает ему соблазны грабежа, он пугается и уходит в монастырь, но не по обычаю старины, не для спасения души, а чтобы избыть горе, потому что нет сил ни жить, ни покончить самоубийством. Он точно тяготится своею свободою, стыдится своей «позорной» жизни, смиренно слушает советов добрых людей и, не находя себе применения, бредет без цели, без сильных желаний, покорно повинуюсь превратностям жизни.

Молодец представлен в повести жертвой своей собственной судьбы. И эта судьба молодца, персонифицированная как Горе-Злочастье, — центральный, поразительно сильный образ повести. Исследование народных представлений о «судьбе-доле» показало, что представления родового общества об общей родовой, прирожденной судьбе, возникающие в связи с культом предков, сменяются в новых условиях, с развитием индивидуализма, идеей личной судьбы, судьбы, индивидуально присущей тому или иному человеку, судьбы не прирожденной, но как бы навеянной со стороны, в характере которой повинен сам ее носитель.

В русской книжности XI—XVI вв. отразились по преимуществу пережитки идей прирожденной судьбы, судьбы рода. Это родовое представление о судьбе редко персонифицировалось, редко приобретало индивидуальные контуры. Лишь с пробуждением интереса к человеку, кристаллизуется новое представление — о судьбе индивидуальной. Судьба привязывается к человеку по случаю, или по его личной воле. Таков, например, мотив рукописания, выданного дьяволу; это рукописание становится источником несчастий человека, его конечной гибели. В России в XVII в. мотив такого рукописания организует сюжет обширной повести о Савве Грудцыне, выдавшем бесу рукописание на свою душу и тем связавшем свою волю на всю жизнь.

Оторвавшись от своих родителей, уходя все дальше и дальше от родного дома, безвестный молодец «Повести о Горе-Злочасти» живет собственной индивидуальной судьбой. Его судьба — Горе-Злочастье — возникает как порождение его боязливого воображения. Первоначально Горе «привиделось» молодцу во сне, чтобы тревожить его страшными подозрениями:

Откажи ты, молодец, невесте своей любимой;
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе ст тое жены удавлену,
из злата и серебра быть убитому!

Горе советует молодцу пойти «на царев кабак», пропить свое богатство, надеть на себя «гуньку кабацкую».

За нагим-то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца.

Молодец не поверил своему сну, и Горе вторично тревожит его во сне:

Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
льгота, безпроторица великая?
На себя что купить то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут;
да никто к нему не привяжется;
а нагому-босому шумить розбой!

С поразительной силой разворачивает повесть картину душевной драмы молодца, постепенно нарастающую, убыстряющуюся в темпе, приобретающую фантастические формы.

Порожденное ночными кошмарами Горе вскоре появляется молодцу и наяву, в момент, когда молодец, доведенный до отчаяния нищетой и голодом, пытается утопиться в реке. Оно требует от молодца поклониться себе до «сырой земли» и с этой минуты неотступно следует за молодцем. Молодец хочет вернуться к родителям, но Горе «наперед зашло, на чистом поле молодца встретило», каркает над ним, «что злая ворона над соколом»:

Ты стой, не ушел, добрый молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастье, привязался:
Хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я, Горе,—еще сродники,
а вся родня наша добрая;
все мы гладкие, умильные;
а кто в семью к нам примешается,—
ино тот между нами замучится!
Такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинься во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,—
а я с тобою пойду под руку под правую.

Тщетно пытается молодец уйти от Горы: он не может уйти от него, как не может уйти от самого себя. Погоня за молодцем приобретает фантастические, сказочные очертания. Молодец летит от Горы ясным соколом —

Горе гонится за ним белым кречетом. Молодец летит сизым голубем —
 Горе мчится за ним серым ястребом. Молодец пошел в поле серым волком,
 а Горе за ним с борзыми собаками. Молодец стал в поле ковыль-травой,
 а Горе пришло с косою вострою:

Да еще Злочастье над молотцем насмехался:
 быть тебе, травонька, посеченой,
 лежать тебе, травонька, посеченой,
 и буйны ветры быть тебе развеяной.
 Пошел молодец в море рыбою,
 а Горе за ним с частыми неводами
 еще Горе злочастье насмехался:
 быть тебе, рыбоньке, у бережку уловленной,
 быть тебе да и съеденой,
 умереть будет напрасно смертию!
 Молодец пошел пеш дорогою,
 а Горе под руку под правую.

Избыть Горе, босоту и наготу можно лишь смертью или уходом в монастырь. Говорит Горе молодцу:

Бывали люди у меня, Гора,
 и мудрые тебя, и досужае...
 Не могли у меня, Гора, уехать,
 нани они во гроб вселилися,
 от мене накрепко они землею накрылися.

Молодец предпочитает уйти в монастырь. Накрепко закрывшиеся за ним монастырские ворота оставляют Горе за стенами монастыря. Так Горе «довело» молодца до иноческого чина. Этой развязкой, трагизм которой резко подчеркнул в повести, заключается рассказ о судьбе молодца. Жалея своего неудачливого героя, автор не умеет еще найти для него выхода и заставляет его в монастыре отгородиться от жизни. Так иногда решали для себя душевные конфликты и передовые сильные люди второй половины XVII в.: А. Л. Ордын-Нащокин, крупный политический деятель, кончил жизнь в монастыре.

Итак, в повести нет конфликта между двумя поколениями. Молодец — не новый человек, он не пытается противопоставить какие-то новые идеи старозаветной морали средневековья. Последняя, в сущности, сведена в повести к немногим правилам житейской практики. Повесть рисует «злую немерную наготу и босоту и бесконечную нищету», «недостатки последние» безымянного молодца.

Повесть с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом дает образ безвольного бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения. Это один из самых невзрачных персонажей, какие когда-либо изображала русская литература. Но ему, конечно, быть представителем нового поколения, новых прогрессивных идей. И вместе с тем, не осуждение неудачливого молодца, не сумевшего жить по житейским правилам окружавшего его общества, а теплое сочувствие его судьбе выражается в повести. В этом отношении «Повесть о Горе-Злочасти» явление небывалое, из ряда вон выходящее в древней русской литературе, всегда суровой в осуждении грешников, всегда прямолинейной в различении добра и зла.

Впервые в русской литературе участием автора пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества, лишенный родительского

благословения, слабохарактерный, остро сознающий свое падение, погрязший в пьянстве и азартной игре, сведший дружбу с кабацкими питухами и костарями, бредущий неведомо куда в «гуньке кабацкой», в уши которого «шумит разбой».

Впервые в русской литературе с такою силою и проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека, с таким драматизмом рисовалась судьба падшего человека. Все это свидетельствовало о каких-то коренных сдвигах в сознании автора, не совместимых со средневековыми представлениями о человеке.

Вместе с тем, «Повесть о Горе-Злочасти» — первое произведение русской литературы, которое так широко решило задачи художественного обобщения. Почти все повествовательные произведения древней русской литературы посвящены единичным случаям, строго локализованы и определены в историческом прошлом. Действие «Слова о полку Игореве», летописи, исторических повестей, житий святых, даже позднейших повестей о Фроле Скобееве, Карпе Сутулове, Савве Грудцыне строго связаны с определенными местностями, прикреплены к историческим периодам. Даже в тех случаях, когда в произведение древней русской литературы вводится вымышленное лицо, оно окружается роем исторических воспоминаний, создающих иллюзию его реального существования в прошлом.

Историческая достоверность или видимость исторической достоверности — необходимое условие всякого повествовательного произведения древней Руси. Всякое обобщение дается в древних русских повестях через единичный факт. Строго исторический факт похода Игоря Северского даст повод к призыву русских князей к единению в «Слове о полку Игореве»; исторические события положены в основу повестей о рязанском разорении, рисующих ужас татаро-монгольского нашествия, и т. д.

Резко разойдясь с многовековой традицией русской литературы, «Повесть о Горе-Злочасти» повествует не о единичном факте, стремясь к созданию обобщающего повествования. Впервые художественное обобщение, создание типического собирательного образа, встало перед литературным произведением, как его прямая задача.

Безвестный молодец повести не носит признаков местных или исторических. В повести нет ни одного собственного имени, ни одного упоминания знакомых русскому человеку городов или рек; нельзя найти ни одного хотя бы косвенного намека на какие-либо исторические обстоятельства, которые позволили бы определить время действия повести. Только по случайному упоминанию «платья гостиного» можно догадаться, что безымянный молодец принадлежал к купечеству.

Откуда и куда бредет несчастливый молодец, кто были его родители, невеста, друзья — все это остается неизвестным: освещены лишь важнейшие детали, преимущественно лица, психологическое содержание которых резко подчеркнуто.

Все в повести обобщено и суммировано до крайних пределов, сосредоточено на одном: на судьбе молодца, его внутренней жизни. Это своеобразная монологическая драма, в которой окружающие молодца лица играют подсобную, эпизодическую роль, оттеняя драматическую судьбу одинокого безвестного человека, лица собирательного, подчеркнуто вымышленного.

Первое произведение русской литературы, сознательно поставившее себе целью дать обобщающий, собирательный образ, вместе с тем стремится

ся и к наибольшей широте художественного обобщения. Невзрачная жизнь невзрачного героя осознается в повести как судьба всего страдающего человечества. Тема повести — жизнь человека вообще. Именно поэтому повесть так тщательно избегает всяких деталей. Судьба безымянного молодца изображается как частное проявление общей судьбы человечества, немногими, но выразительными чертами представленной во вступительной части повести.

Глубокий пессимизм самого замысла «Повести о Горе-Злочасти» следует, быть может, поставить в связь с тем, что автор ее мог наблюдать в реальной русской действительности второй половины XVII в. Экономический кризис, приведший в это время к многочисленным крестьянским и городским восстаниям, породил толпы обездоленных людей, которые разбредались из сел и городов, скитались «меж двор» и уходили на окраины государства. Сочувствуя этим оторвавшимся от своей среды, разоренным, бездомным людям, автор повести шире и глубже обобщил то историческое явление, которое дало тему сатирической «Азбуке о голом и небогатом человеке» (стр. 191). Хотя и лишенная сатирической направленности «Азбуки», «Повесть о Горе-Злочасти» нарисовала тем не менее выразительную картину «бесконечной нищеты», «безмерных недостатков», «наготы и босоты». Как и автору «Службы кабаку», пропившийся молодец представляется автору повести не «грешником» средневековых сочинений о пьянстве, а несчастным, заслуживающим сожаления человеком.

В «Повести о Горе-Злочасти», кроме молодца, есть и другой «герой» — преследующее его Горе-Злочастье. Не случайно, возможно, и в заглавии повести автор дважды упомянул о нем: «Повесть о Горе и Злочасти, как Горе Злочастье довело молодца во иноческий чин...» Такое восприятие сюжета повести было, несомненно, подсказано разнообразными фольклорными изображениями Гора рядом с человеком. И в сказках и в лирических песнях о Горе ему отводится активная роль, а человек лишь терпит навлекаемые на него Горем беды. В песнях только могила избавляет героя от преследующего его Гора — в повести могила заменена монастырем. Лишь в некоторых сказках герою удастся хитростью отделаться от Гора (запирает его в сундук, зарывает в яму и т. д.).

Народные песни о Горе, как женской доле, широко распространены в русском, украинском и белорусском фольклоре. Они хранят на себе несомненные следы дохристианских взглядов на Горе и Долю, как на прирожденные человеку. В женских песнях Горе показано неизбывным, неотступно преследующим человека всемогущим существом. Автор повести повторил без изменения песенную характеристику Гора в том монологе, который Горе произносит наедине, еще до своего появления перед молодцем, и в изображении превращений Гора, преследующего молодца. Здесь сохранены все очертания женских песен о Горе: Горе хвалится, что оно принесло людям «и мудряе» и «досужает» молодца «злочастье великое»:

...до смерти со мною боролися,
во злом злочасти позорилися,
не могли у меня, Гора, уехати,
нани они во гроб вселилися,
от мене накрепко они землею накрылися.

босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а Злочастье на их могиле осталось.

Женские песни о Горе оканчиваются тем же мотивом:

Я от Гора в сыру землю пошла,
за мной Горе с лопатой идет,
стоит Горе, выхваляется:
вогнало, вогнало я девицу в сыру землю.¹

Рассказ повести о том, как Горе нагоняет молодца, задумавшего уйти от него к родителям, художественно развивает песенную тему преследования девушки Горем. В песнях Горе так преследует девушку:

Я от горя во чисто поле,
и тут горе сизым голубем...
Я от горя во темны леса,
и тут горе соловьем летит...
Я от горя на сине море,
и тут горе — серой утицей...²

Взяв основные внешние очертания образа Гора-Злочастья из лирических песен, автор повести своеобразно переосмыслил фольклорный тип Гора — судьбы человека, данной ему от рождения на всю жизнь. В повести Горе появляется во время странствий молодца, притом сначала во сне, как будто это образ, рожденный его расстроенной мыслью. Но вместе с тем, само Горе предварительно показано, как существо, живущее своей особой жизнью, как могучая сила, которая «перемудрила» людей «и мудрые» и «досужает» молодца. Обращает на себя внимание и то, к какому моменту повести автор приурочил появление рядом с молодым Гора. Молодец «наживал живота большы старова, присмотрел невесту себе по обычаю» и «похвалился» своими успехами. Вот тут-то и настигла его «пагуба» в лице Гора, потому что «всегда гнило слово похвалиное, похвала живет человеку пагуба». Горе привязалось к человеку как бы в наказание за нарушение этого запрещения похвалы. Этот момент совершенно чужд фольклорному пониманию Гора, которое приносит человеку счастье или несчастье независимо от его поведения. Независимы от песен и детали изображения встречи Гора с молодым: появление Гора во сне, да еще под видом архангела Гавриила, советы уйти от невесты, пропить имущество, убить, ограбить. Самостоятельно повесть рассказывает и о том, как постепенно Горе подбигрывается к молодцу.

Лирические песни о Горе, а может быть и песни о разбойниках, которых песни сочувственно называют «детинушками», «сиротинушками, бесприютными головушками», отразились, вероятно, на общем лирически задушевном тоне «Повести о Горе-Злочастьи».

Наконец, в повести есть и прямая стилизация лирической песни в «хорошей напевочке», которую молодец поет на «крутом красном бережку», поверив Гору, что «в горе жить — некручинну быть»:

¹ П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях..., т. I, ч. I, СПб., 1898, стр. 322.

² А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I, СПб., 1895, стр. 536.

Беспечална мати мене породила,
 гребешком кудерцы росчесывала,
 драгими порты мене одеяла
 и отшед под ручку посмотрела:
 «Хорошо ли мое чадо в драгих портах?
 А в драгих портах чаду и цены нет!»
 Как бы до веку она так пророчила!
 Ино я сам знаю и ведаю,
 что не класти скарлату без мастера,
 не утешити дятя без матери,
 не бывати бражнику богату,
 не бывати костарю в славе доброй,
 Завечен я у своих родителей,
 что мне быти белешенку,
 а что родился головенкою.

Источником этой «напевочки» некоторые исследователи считали песню «Ай горя, горе гореваньице», включенную в сборник Кирши Данилова. Здесь, действительно, есть выражения, сходные с повестью, притом не только в «напевочке», но и в других эпизодах: «а в горе жить, некручинну быть», «что не скласти скарлату без мастеру, не бывати бражнику богату» (в песне «гулящему»), «еще лычком горе подпоясано». Однако эти совпадающие выражения носят поговорочный характер и могли быть самостоятельно использованы и в песне и в повести.

Если лирические песни помогли автору создать художественный образ Гора, «напевочку» и подсказали эмоциональное отношение к молодцу, то былинной традиции, на связь с которой повести указывал Н. Г. Чернышевский, автор обязан прежде всего ритмическим построением всей повести. С небольшими исправлениями текста в списке XVIII в. академику Ф. Е. Коршу удалось восстановить стихотворный размер повести: былевой стих, с четырьмя ударениями — двумя главными и двумя второстепенными (всего в повести 481 стих).

Приемы и формулы былинного стиля, общие места встречаются в «Повести о Горе-Злочасти» в изобилии, хотя и в слегка измененном виде: приход на пир («крестил он лице свое белое, поклонился чюдным образом, бил челом он добрым людям на все четыре стороны» и далее уже ближе к былинному: «горазд он крестится, ведет он все по писанному учению» и т. д.); грусть на пиру («молодец на пиру не весел сидит, кручиноват, скорбен, нерадостен»); повторения и синонимические сочетания («и отгуду пошел, пошел молодец», «за питья за пьяныя», «глупыя люди, немудрыя», «обмануть-солгать», «пияни веселы», «роду-племени» и т. п.). Постоянные устно-поэтические вообще и в частности былинные эпитеты в повести сочетаются с теми же предметами, что и в фольклоре («зелено вино», «почестен пир», «серый волк», «сыра земля», «удал молодец» и т. д.), а Горе, в первый раз появившись перед молодцем, даже «богатырским голосом воскликнуло».

С духовными стихами повесть сближается во вступительной части и в последних строках, заметно выделяющихся и своим книжным языком.

Наличие немногих книжных элементов в композиции и языке «Повести о Горе-Злочасти» не скрывает, однако, того несомненного факта, что преобладающее значение в поэтике автора принадлежит народному стихосложению, фольклорным образам, устно-поэтическому стилю и языку. Но именно обилие разнородных связей с различными жанрами народной поэзии особенно убедительно говорит за то, что «Повесть о Горе-Злочасти»

представляет собой произведение не народного, а книжно-литературного творчества. В целом эта Повесть находится вне жанровых типов народной поэзии; ее автор создал новый оригинальный вид лиро-эпического повествования, в котором своеобразно сочетаются, в соответствии с художественным замыслом, индивидуально воспринятые устно-поэтические стиливые традиции с отголосками средневековой книжности.

«Повесть о Горе-Злочасти», сохранившаяся лишь в одном списке XVIII в., обнаруживает не только композиционную, но и стилистическую связь с несколькими вариантами песен о Горе и добром молодце. Проф. В. Ф. Ржига, анализируя эти песни, приходит к выводу, что «зависимость их от повести совершенно очевидна. Несмотря на свое различие, все они относятся к повести как более или менее деформированные копии к своему художественному оригиналу и таким образом действительно являются фольклорными лиро-эпическими ее дериватами.»¹ Однако вопрос о происхождении песен о Горе и добром молодце заслуживает еще более углубленного исследования.

¹ В. Ф. Ржига. Повесть о Горе-Злочасти и песни о Горе.— «Slavia», 1931, т. X, вып. II, стр. 308.